

УДК 821.113.5-053.6

ББК 84(4Нор)-44

К53

Перевод данной книги осуществлен при финансовой поддержке фонда Норвежская литература за рубежом (NORLA)

Художник Дарья Мартынова

Кнудсен, Сверре.

К53 Фабрика без сердца : [для сред. и ст. шк. возр. : 12+] / Сверре Кнудсен; пер. с норвежского Наталии Шматовой ; [худ. Дарья Мартынова]. — М. : КомпасГид, 2019. — 128 с.
ISBN 978-5-00083-580-7

Молодой человек с небесно-голубыми глазами протягивает Марит вафлю в форме сердца. На мгновение встретиться взглядами. Передать записку. Обменяться тайными знаками. Только так и удаётся выразить чувства, когда выделяться из толпы — опасно, уходить с прямого пути — страшно, а оставаться собой решаются лишь те, кому нечего терять. До тех, кто нарушает правила всемогущей фабрики, дотянутся даже за её стенами...

Но Марит это не остановит: она рискнёт головокружительной карьерой и пойдёт на все, чтобы выволить любимого человека из мрачного подземелья. Только при этом узнает о фабрике гораздо больше, чем хотела бы. Можно ли закрыть глаза на правду и вернуться к прежней жизни, где ни о чём не нужно задумываться? Стоит ли жертвовать своим комфортом и стабильностью ради того, чтобы помочь тысячам незнакомых людей? И где найти силы бороться с несправедливостью, когда твоё сердце разбито?

Биография Сверре Кнудсена (родился в 1955 году) сама могла бы стать увлекательным романом. Норвежский автор хорошо знает, что значит много работать: самобытный музыкант, продюсер нескольких групп, сценарист, переводчик Дугласа Адамса, Нила Геймана, Дэна Брауна и других писателей — он успевает решительно всё.

«Фабрика без сердца» (2006) — один из наиболее известных романов Кнудсена. Антиутопия, сатира, история первой любви — разные жанры сплетены воедино в этом многогранном тексте, дополненном смелыми иллюстрациями Дарьи Мартыновой. Рассчитанная на читателей среднего и старшего школьного возраста, книга увлечёт и взрослых, представив новый взгляд на классические — со времён «Мартина Идена» и «1984» — конфликты.

УДК 821.113.5-053.6

ББК 84(4Нор)-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published as *Fabrikken uten hjerte*
by Sverre Knudsen

Copyright © CAPPELEN DAMM AS 2006

© 000 «Издательский дом «КомпасГид», 2019

ISBN 978-5-00083-580-7

ПОЧТИ ОБЫЧНЫЙ ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Эта история случилась в те времена, когда все вафли выпекали только четырёхугольными. Поэтому сотрудница вафельной фабрики Марит Ос, получив на работе в обеденный перерыв вафлю совсем другой формы, была озадачена.

— Никогда раньше не видел ничего подобного! — прошептал, вытаращив глаза, Бьёрнар Сивертсен. — Спрячь её, пока никто не увидел, — произнёс он шёпотом ещё тише, нервно оглядываясь на стоявших рядом с ним в очереди людей. Хотя администратор Сивертсен был человеком большим и крепким, он явно разволновался.

Марит поспешила накрыть вафлю салфеткой, но не удержалась и всё же приподняла уголок:

— Ты только посмотри, какая она!

— Марит, на нас смотрят инспекторы, — прошептал Бьёрнар ей на ухо.

— Ой, ты всегда так говоришь, — сказала Марит раздражённо, но на всякий случай обернулась, чтобы убедиться, что на них никто не смотрит. Инспекторы вафельной

фабрики были страшно строгими и не терпели ни малейших нарушений дисциплины.

— Пройди вперёд, — шепнул Марит Бьёрнар.

— Не могу, очередь не двигается, — вздохнула Марит. — Ты обратил внимание, как она выглядела?

— Ну да, ну да, — буркнул администратор, думая о чём-то своём.

— Она была похожа на сердце, — задумчиво сказала Марит. — Немного неровное и угловатое, но всё же сердце!

Девушка окинула взглядом столовую. Помещение было размером с футбольное поле. Фабрика «Главвафля» выпекала вафли для всей страны. На ней работало несколько тысяч сотрудников. Это было единственное предприятие, обладавшее правом на изготовление вафель. Их рецепт, известный только генеральному директору Хансену-Высочансену, держался в тайне. Вот поэтому-то инспекторы фабрики и были такими строгими. Работникам даже запрещалось обсуждать между собой вафли, а сотрудникам из разных отделов не позволялось общаться друг с другом. К тому же у генерального директора был собственный балкон почти под самым потолком столовой, откуда он мог наблюдать за всеми подчинёнными.

— Смотри-ка, ещё один новичок, — сказал Бьёрнар Сивертсен, когда перед Марит открылось окно для подачи еды.

Обычно его открывали ровно на секунду. Этого времени было достаточно, чтобы протянуть посетителю поднос с вафлей. Но сейчас окошко оставалось открытым больше трёх секунд, и Марит показалось, что эти секунды тянулись бесконечно долго.

В окошке Марит заметила человека, которого никогда раньше не видела. Встретившись с ним взглядом, она покраснела — таким красивым был юноша! Он держал салфетку с какой-то надписью, и, хотя Марит была наблюдательна, она оставила надпись без внимания. Вместо этого она смотрела юноше в глаза, и чем дольше она в них смотрела, тем больше в них погружалась. Глаза были небесно-голубого цвета. Одновременно серьёзные, печальные и немного сердитые. Молодой человек тоже покраснел, как будто собирался сделать что-то нарушающее установленный порядок.

Неужели он испёк вафлю в форме сердца специально для неё?

Вдруг прямо у окошка появились двое в коричневых форменных куртках из вафельной ткани и красных, как клюквенный джем, рубашках. Это были охранники фабрики. Они схватили юношу с небесно-голубыми глазами. В тот же миг Бьёрнар Сивертсен резко обернулся и, как молния, рванулся к задержанному, сжимавшему в руках салфетку. Только он успел выхватить её, как окошко

захлопнулось. Бьёрнар сунул салфетку в карман Марит и подтолкнул её вперёд в очереди.

— Ни слова! — прошептал Бьёрнар на ухо Марит, и она едва узнала его голос: таким свирепым он был. Но девушку занимали вещи поважнее. Что случилось с человеком, испёкшим для неё замечательную вафлю? Что сделали с ним инспекторы фабрики?

Марит взглянула на своего друга — здоровяка Бьёрнара, — но тот был бессилён помочь.

— Тебе сегодня вафлю с вареньем? — только и промолвил он с глупой ухмылкой, как будто у них был выбор. Марит пропустила мимо ушей неудачную шутку товарища и незаметно достала из кармана салфетку. На ней было написано:

«В метро. В шесть часов».

В МЕТРО

И метро, и расположенный рядом с метро парк со всеми деревьями и дрессированными птицами принадлежали «Главвафле». Это значило, что пожилой исполнительнице блюза Стелле разрешалось петь только песни, одобренные всеильной фабрикой. Обычно Стелла стояла на станции метро, прислонив к стене палку и накинув на шею ремень гитары. У Марит Ос никогда прежде не хватало времени остановиться и послушать певицу, но тут она поймала себя на мысли, что успевшая всем надоесть песня «Нет страны прекрасней нашей» в исполнении Стеллы звучит меланхолично и красиво. Кажется, будто за напыщенными словами в ней действительно есть какой-то смысл.

Марит Ос отыскала несколько монеток и бросила их в лежавшую у ног Стеллы шляпу. Впервые в жизни она дала денег уличной певице. Марит родилась на хуторе, где росло всего несколько яблонь. Её отец с матерью с трудом

сводили концы с концами, и, чтобы каждый месяц отправлять родителям деньги, Марит была вынуждена экономить и потому домой ездила редко. Но, возможно, теперь, когда дела на работе шли в гору, всё могло измениться? Всем было хорошо известно, что Марит Ос — одна из самых перспективных сотрудниц и может сделать хорошую карьеру, если будет следовать правилам фабрики.

Марит вздохнула, и на какое-то мгновение ей показалось, что певица с потрескавшейся гитарой перевела на неё взгляд под тёмными очками. Но, скорее всего, девушке это только показалось и сверкнувший в стёклах

очков тусклый отсвет сыграл с ней шутку. Стрелки часов показывали почти семь, а юноша с небесно-голубыми глазами так и не появился. Это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Либо он просто пошутил над Марит, либо его задержали инспекторы фабрики, а если это так, то девушка даже и представить себе не решалась, что могло случиться тогда.

Подошёл поезд, и Марит поспешила к нему. Но сначала дорогу девушке преградил какой-то мужчина. Он пихнул Марит со всей силы. Потом по ноге девушки проехала огромная детская коляска для двойни в спортивном стиле с толстыми шипованными шинами. И, наконец, какая-то женщина толкнула Марит в грудь локтем так, что та едва не задохнулась.

— Куда лезешь, нахалка паршивая! — крикнула женщина, грозя кулаком.

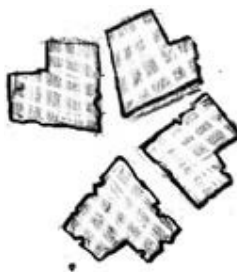
Марит опустила голову и остановилась. Но тут — откуда ни возьмись — появилась целая футбольная команда в ярких спортивных костюмах. Каждый из пробежавших мимо игроков задевал Марит. И как она ни пыталась сдержаться, слёзы ручьями потекли по её щекам.

— Ну что встала как вкопанная, кляча! — крикнул девушке старик и ударил её зонтиком. За ним послышались другие голоса. Ещё несколько человек толкнули Марит, и она пошла по перрону куда глаза глядят, затерявшись

в стремительно двигавшемся потоке людей. Больше её никто не толкал.

«Нельзя выделяться, — уже в тысячный раз сказала сама себе Марит. — Тогда у меня будет хорошая работа и я смогу помочь своей семье».

«Иди только прямой дорогой, — бормотала Марит себе под нос. — Только прямой».

НАЧАЛЬНИЦА ФРУ ГРОСЕН

Марит Ос работала за письменным столом в огромном зале, где рядами стояли другие такие же столы. Посередине находилось рабочее место фру Гросен, обнесённое стеклянными перегородками. Фру Гросен руководила работавшими в зале сотрудниками и часто их ругала. Её сердитый голос то и дело доносился либо из большого висевшего на стене рупора, либо из маленьких, стоящих на каждом столе. Директор фабрики Хансен-Высочансен как-то раз похвалил фру Гросен, и та вспоминала об этом при каждом удобном случае.

«Мысли ясно и чётко», — гласила табличка над рабочим местом фру Гросен. Отдел, которым она руководила, назывался Отделом экономии. И Марит Ос, и другие его сотрудники придумывали, как сэкономить деньги, выпекая ещё более дешёвые вафли.

Раньше Марит работала с мукой, и ей это нравилось. В её обязанности входили удешевление покупки и перевозки

муки, а теперь её перевели на соль, и это было не так интересно. В вафли соли добавлялось совсем немного, и стоила она недорого, поэтому сэкономить можно было только на её перевозке. И ладно бы ещё Марит одна полностью отвечала за все вопросы, связанные с солью, но ведь с ней работали ещё одиннадцать человек, у каждого из которых было своё мнение. Так что добиться того, чтобы твой голос услышали, даже если ты такой перспективный сотрудник, как Марит Ос, было непросто. По крайней мере, в последний раз, когда девушка пыталась отстоять своё мнение, ей это не удалось:

— «Главвафля» могла бы существенно сэкономить на инспекторах, — сказала она, выступая на собрании отдела год назад. — Почему нельзя сократить кого-то из них?

Шестеро из присутствовавших на собрании пропустили её слова мимо ушей, трое рассмеялись, а один разозлился.

— Это же «Главвафля»! — вскричал разозлённый сотрудник и погрозил Марит пальцем. Она притворилась, что не слышит его.

— На инспекторов расходуются самые большие средства, — продолжала Марит, но тут её перебил голос фру Гросен, доносившийся из стоявшего на столе громкоговорителя.

— Марит Ос, срочно зайдите ко мне, — прошипела начальница, и Марит, краснея, потрусилась к рабочему месту

фру Гросен. Там ей трижды пришлось выслушать выговор, потому что она вмешалась не в своё дело. А затем девушку пересадили за стол, стоявший на три ряда дальше от рабочего места фру Гросен, и понизили зарплату.

После этого случая Марит решила не высказывать своего мнения — только если её спросят. Но на следующий день после того, как девушка получила в столовой вафлю в форме сердца, она нарушила своё обещание.

Дело в том, что Марит пришла в голову одна мысль. Она взяла небольшой листок бумаги, нарисовала на нём что-то и показала Бьёрнару Сивертсену. Чтобы поговорить, друзья тихонько прокрались к двери туалета: там их никто не мог подслушать.

— Потрясающе! — прошептал Бьёрнар, оглядываясь через плечо. — Ты просто гений.

— Да ладно, — выдохнула Марит. — Это же всего лишь игра.

— Не скромничай, — сказал Бьёрнар Сивертсен. — Давай покажем это одному из тех, кто придумывает форму вафель. Может быть, это твой счастливый билет к повышению. Тебе нечего делать на третьем этаже. Твоё место — на четвёртом или даже на пятом.

— Да ладно тебе, — снова выдохнула Марит и покраснела. Не слишком часто она слышала комплименты. — Это ты у нас изобретатель!

— Хм... Ну раз уж ты об этом вспомнила, — сказал Бьёрнар, доставая из заднего кармана брюк сложенный пополам лист бумаги. Бьёрнар часто показывал Марит рисунки сконструированных им странных машин. Но это были всего лишь рисунки. Главная проблема заключалась в том, что эти машины было невозможно создать в реальной жизни.

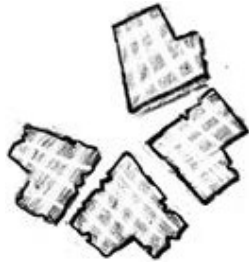
— Ну-ка, ну-ка! — сказала Марит, сделав вид, будто очень заинтересовалась увиденным.

— Это *подогреватель вафель*, — оживился Бьёрнар, расправляя листок. Подогреватель выглядел очень громоздким, а рисунок — ужасно сложным. — С его помощью можно разогреть вафли в любом месте, где бы ты ни находился.

Марит стала изучать чертёж. Этот агрегат определённо должен был весить сто килограммов и подключаться к электричеству. Марит не знала, как деликатно сказать Бьёрнару, что его изобретение не совсем практично. Но тут коллеги услышали шум и раскатистый голос фру Гросен. Она шла по коридору вместе со своим помощником. Бьёрнар вырвал из рук Марит рисунки — и свой, и её, — и оба шмыгнули в туалетные комнаты, чтобы их не увидели.

— Отвези меня к парикмахеру, — прогрохотала фру Гросен. — И в салон красоты. Мне нужно новое платье. Поторопись! Завтра меня ждёт Хансен-Высочансен.

Когда Марит вышла из туалета, она едва сдерживала смех: её глуповатая начальница собиралась навести марафет больше чем за сутки до встречи с генеральным директором.

СИЛЬВЕСТЕР

В тот день Бьёрнар Сивертсен не пришёл на обед. Однажды так уже случилось: ему, как администратору, пришлось выполнять важные поручения как раз в обеденный перерыв, так что Марит не беспокоилась о причине его отсутствия. К тому же её теперь больше интересовало, сможет ли она ещё раз встретиться взглядом с юношей с небесно-голубыми глазами в окошке для подачи еды. Марит заглядывала вперёд и приподнималась на цыпочках, ища глазами молодого человека, пока очередь за её спиной не стала недовольно ворчать, как большой сонный зверь. Но всё было тщетно. Единственный человек, которого девушка разглядела в окошке для подачи еды, был в коричневой униформе, и Марит ничего не оставалось, как перейти к стойке с вареньем.

Обед показался девушке безвкусным, и, опечаленная, она вернулась за рабочий стол. Как раз когда Марит собиралась засесть за расчёты цен на соль, обнаружился её пропавший друг, администратор Бьёрнар Сивертсен.

Марит увидела его сквозь стеклянную перегородку рабочего места фру Гросен. Бьёрнар Сивертсен стоял сгорбившись, в то время как его начальница отчитывала его, расхаживая взад и вперёд. Фру Гросен постоянно махала листком бумаги, и Марит тут же поняла, что это был за листок.

«Это же мой рисунок! — подумала она, плюхнулась на свой стул и вся сжалась, будто желая уменьшиться. — Мне нельзя высовываться. Иначе мне никогда не получить хорошей работы».

Но не могла же Марит бросить своего друга на произвол судьбы! Девушка несколько раз вдохнула и выдохнула, быстро посмотрелась в карманное зеркальце и встала. Она спокойно направилась через огромный зал к рабочему месту фру Гросен.

«Наверно, это будет последний раз, когда я к ней захожу, — подумала Марит. — Мой последний день на постоянной работе, потому что на работу в другом месте меня уже не примут. „Главвафля“ — самое крупное предприятие в стране, и тех, кого отсюда уволили, уже не берут на другую работу».

Сотрудники Марит смотрели ей вслед, пока она шла к начальнице. Все делали вид, что работают как обычно, но Марит слышала, как они шепчутся, кивают, а некоторые даже показывают на неё пальцем. Если среди них и были сочувствующие, когда она — храбро, с прямой

спиной — шла между перегородками навстречу своему судному дню, то они, во всяком случае, этого не показывали.

— ...потерять работу, — доносилось до Марит чьё-то бормотание, — её ждёт понижение...

— Её отправят в подвал, — шептали две женщины в один голос, а другие им поддакивали. — В Подземелье, — уточнила одна из них.

— В Морозильник? — прошептал ворчливый старикашка.

И вдруг в зале воцарилась мёртвая тишина. Сотрудники даже перестали переглядываться. Как будто пронёсся прохладный ветерок.

Марит Ос отчитали. В очередной раз, как и Бьёрнара Сивертсена. Марит и Бьёрнар занимались *подпольной деятельностью*, и фру Гросен могла бы лишить их обоих должностей и сделать это совершенно официально, во время пятничного выступления с участием генерального директора. Ведь каждую пятницу Хансен-Высочансен выходил на балкон и наблюдал оттуда за всеми сотрудниками фабрики. Если он кивал перед тем, как уйти с балкона, это означало, что всё в порядке. Если он качал головой, обстановка накалялась. А его редкие выступления перед публикой создавали крайне напряжённую атмосферу.

— Завтра пятница, — напомнила фру Гросен Марит Ос и Бьёрнару Сивертсену. — И я думаю, что, скорее всего, в завтрашнем выступлении речь пойдёт о вас!

Марит и Бьёрнар после этого не общались друг с другом. Да и зачем? После работы Марит поспешила в метро, чтобы поскорее добраться до дома.

Когда девушка спустилась на станцию, её поезд уже ушёл. Марит остановилась, чтобы перевести дух. Она чувствовала себя раздражённой и уставшей, хотя вся оставшаяся часть рабочего дня прошла относительно спокойно. Но сейчас Марит очень хотелось оказаться где-нибудь подальше от работы. Неважно — где. В другом месте.

И тут Марит услышала нечто, заставившее её забыть о гудении поездов и назойливо мерцающей рекламе. Она услышала низкий сипловатый голос — песня показалась ей хорошо знакомой. Марит не могла разобрать слов, но сама мелодия была грустной. Но грустной в хорошем смысле. Это была грусть с оттенком чего-то ещё, а не просто грусть.

Конечно, голос принадлежал Стелле.

Марит уселась на скамейку, чтобы послушать ещё, но скамейка запищала, потому что Марит не бросила в неё монетку. Так как станция принадлежала «Главвафле», всё на ней стоило денег. Марит привыкла к тому, что всеми стоянками и станциями в городе владели крупные компании, но ей не нравилось, что эти компании также скупили все скверы, площади и парки в городе.

Марит вздохнула. «Так, наверно, и должно быть», — подумала она и опустила монету. Обычно Марит не сидела

на скамейках на станции метро, но теперь, задумавшись о тех, кто так делал, уже не была уверена в том, что они какие-то странные. Хотя сейчас это было уже совсем не важно.

Получив выговор от начальства, Марит чувствовала себя обессиленной, ей хотелось немного отдохнуть. И вдруг девушке показалось, что фру Гросен и «Главвафля» исчезли. «Могу же я просто посидеть на скамейке в метро и ничего не делать? — подумала девушка. — Ведь меня не должны из-за этого мучить угрызения совести?» Марит слишком устала, чтобы беспокоиться об этом. Она смотрела на прохожих и спрашивала себя: чем они занимаются? О чём думают? О чём мечтают?

«А о чём мечтаю я?» — спрашивала себя Марит.

И тут она стала клевать носом, а когда открыла глаза, часы показывали ровно шесть.

Перед ней стоял он — юноша с небесно-голубыми глазами. Его взгляд — одновременно серьёзный, печальный и немного суровый — был устремлён на неё. Юноша был одет в чёрное, а не в белое, как все на кухне, что придавало ему ещё более грозный, почти враждебный вид. К нагрудному карману его куртки был прикреплён вырезанный из бумаги цветок.

— Как тебя зовут? — спросила Марит, потому что это было первое, что пришло ей в голову.

— Сильвестер, — ответил юноша. — А я знаю, что ты Марит.

— Ой, — произнесла Марит, покраснев, — откуда ты знаешь?

— Потому что... потому что... — ответил Сильвестер и тоже покраснел. — Это не то, что ты думаешь. *Совсем* не то, но теперь я уже не уверен...

Марит не удержалась и рассмеялась. Она не понимала, о чём он говорит, но это было совсем не важно, потому что всё и так было замечательно.

— И я тоже теперь уже совсем не уверена, — проговорила девушка.

По лицу Сильвестера скользнула робкая улыбка, и оно снова стало серьёзным.

